

Теперь и она поняла: этот сорванец действительно не так прост, как кажется. Только что у того учителя он сносил побои и оскорбления, не отвечая ни слова, — очевидно, что всё это было лишь притворством.

— Вот десять юаней за эти два месяца, завтра по дороге домой будь осторожнее, — Ци Муцин сейчас был на удивление спокоен и даже смог дать им напутствие.

— Я вернулся, — у порога дома он выдавил из себя улыбку и толкнул дверь. Ему не хотелось, чтобы учитель Сун увидел его в таком жалком виде.

— Иди сюда! — Сун Цзыюй поманил его рукой и открыл крышку кастрюли. По комнате разлился густой аромат куриного бульона. В глиняном горшке аппетитно варились крупные куски курицы, а сверху плавали аккуратные шляпки грибов.

— Как вкусно пахнет! Я ужасно проголодался. Всю дорогу думал, что ты приготовишь что-нибудь вкусненькое. Ты сам-то ел?

— Ешь давай, — Сун Цзыюй, заметив, как тот старается выглядеть непринужденно, протянул ему палочки.

Ци Муцин улыбнулся ему в ответ и принялся за еду. Учитель Сун, как всегда, готовил превосходно, но на душе у Ци Муцина было тяжело.

— Покажи ухо. В следующий раз старайся уворачиваться, — увидев, что парень ест с аппетитом, Сун Цзыюй немного успокоился. Он осторожно потрогал его ухо и осмотрел: на коже тянулась длинная царапина от ногтя, но ничего серьезного.

— Учитель Сун, вы такой добрый. — От прикосновения пальцев к уху, от вкуса куриного бульона на губах у Ци Муцина внезапно защипало в глазах. Его сердце, которое только что успокоилось, вдруг наполнилось горькой обидой.

Сун Цзыюй вздохнул, бережно обнял его за голову и погладил по мягким волосам:

— Все хорошо. Муцин теперь стал очень сильным, дальше будет только лучше.

Ци Муцин долго молчал, лишь крепко обнимая Сун Цзыюя за талию, стараясь впитать в себя его тепло.

— Опять тебя сегодня обидели? — Сун Цзыюй замер, поглаживая его по волосам. Он догадывался, что парень, возможно, плачет. С таким характером и в такой семье, как у него, избежать притеснений было невозможно. — Если тебя снова кто-то тронет — приходи ко мне, я разберусь с твоими обидчиками.

Будь на его месте кто-то другой, столь же робкий, Сун Цзыюй, возможно, отнесся бы к нему с пренебрежением, но с Ци Муцином все было иначе — он вызывал лишь сочувствие. Парень только-только стал совершеннолетним, ушел из дома и каждый день старался стать лучше, но влияние воспитания в постоянном гнете было слишком сильным, ему еще предстояло привыкнуть к другой жизни.

Ци Муцин сначала чувствовал себя уязвленным, но после слов утешения учителя ему стало намного легче. С самого детства никто не был с ним так нежен. Сейчас его мысли были заняты лишь тем, какой замечательный учитель Сун, как приятно его гладить по голове и как надежно чувствуешь себя, обнимая его за талию.

Размышляя об этом, он невольно отвлекся. В тот вечер он тоже его обнимал, и тогда талия казалась тоньше. Учитель Сун поправился, на талии появились мягкие складочки.

Сун Цзыюй неожиданно почувствовал, как его ущипнули за бок, и от щекотки дернулся. Поняв, чьих это рук дело, он отстранился и, увидев раскрасневшееся лицо парня и его бегающий, виноватый взгляд, скомандовал:

— Иди помой посуду.

— Хорошо, — уши Ци Муцина стали еще краснее. Он подхватил миски и палочки и, словно ошпаренный, выбежал наружу.

Глядя на его поспешное бегство, Сун Цзыюй улыбнулся. Вся недавняя жалость испарилась. Он слегка потрогал свою талию — действительно, поправился. Похоже, нужно больше двигаться.

Когда Ци Муцин вернулся, Сун Цзыюй, опираясь на костыль, пытался перенести таз с горячей водой к кровати. Из-за неудобного положения он пошатнулся. Ци Муцин нахмурился, в пару шагов подошел к нему, забрал таз, поставил на пол и бережно усадил его на край кровати.

— Всего лишь нога не слушается, я же не младенец, к чему такая опека? — Сун Цзыюй позволил ему уложить свою ногу на кровать и закатал штанину.

Ци Муцин привычно выжал полотенце, сел на край кровати, подложил свое бедро под ногу учителя и обернул ее четырьмя горячими полотенцами.

— А если бы ты снова упал? Что тогда?

— Днем меня нет, я не могу помочь, но вечером я всегда рядом. — Учитель Сун всегда был таким. Лишь в первые месяцы после больницы он был пугающе молчалив, что причиняло боль. Но спустя несколько месяцев после выписки он быстро пришел в себя, заставив Ци Муцина едва ли не забыть, что у него нет ноги.

И только когда однажды он случайно заметил ссадины и синяки на коленях и локтях Сун Цзыюя, то понял, насколько был невнимателен. Сун Цзыюй молчал, возможно, стесняясь, и тогда Ци Муцин взял на себя обязанность каждый вечер растирать ему ноги. Сейчас это стало привычным делом.

Сун Цзыюй, опираясь руками о кровать, наблюдал, как парень, опустив голову, старательно делает массаж. С этого ракурса он видел четкий профиль Ци Муцина. Его кожа посветлела, как будто гадкий утенок сбросил серые перья и превратился в прекрасного лебедя. Сейчас, сосредоточенный на своем занятии, он выглядел так, что от него невозможно было отвести взгляд.

Казалось, за два с лишним месяца этот человек изменился до неузнаваемости, словно переродился. На самом деле, Сун Цзыюй ошибался: тот, кто раньше молчал, давно стал настоящим мужчиной, способным брать на себя ответственность. И если не считать слабости перед собственной матерью, во всем остальном он был безупречен.

— Я что-то не так делаю? — почувствовав на себе прямой взгляд учителя, Ци Муцин замялся.

— Разомни и эту ногу тоже, — внезапно произнес Сун Цзыюй.

— А? Хорошо. — Ци Муцин закатал рукава. Массаж требовал усилий, и, несмотря на его силу, руки уже начали уставать. Но раз учитель попросил — значит, он доверяет ему, и это наполняло сердце Ци Муцина радостью.

Сун Цзыюй заметил, как дрогнули уголки губ парня, а в глазах засияла улыбка. Он пощупал крепкие мышцы на его руках:

— Довольно крепкий. Вот же дурачок, неудивительно, что тебя все обижают.

Он согнул левую ногу, освобождая место, и добавил:

— Садись сюда.

Ци Муцин послушно сел рядом. Сун Цзыюй взял его за запястье, и парень затаил дыхание, а сердце забилось в бешеном ритме.

Сун Цзыюй взглянул на него и, склонив голову, принялся разминать ему руку:

— Ты почти не бываешь на солнце, стал таким бледным, и теперь, когда краснеешь, это так заметно. Даже уши меняют цвет. Ты же мужчина, чему ты смущаешься?

— Я не смущаюсь, — Ци Муцин, слушая его, не смел даже поднять глаз. Но в душе он был не

согласен: они ведь уже не просто другие, они уже прошли через то, что не положено обычным людям.

В юности Сун Цзыюй сам был горяч и безрассуден, и когда влюблялся, то был полон страсти. Хотя тогда у него ничего не вышло, опыт в соблазнении молодых парней у него был, а уж тем более, когда перед ним такой наивный простака, который сам на него заглядывается.

Раньше он бы вряд ли заинтересовался таким типом — его привлекали люди с идеалами и целями. Но теперь, то ли от возраста, то ли от пережитых потрясений, такая простая натура Ци Муцина и его забота особенно трогали сердце. И, конечно, Сун Цзыюй не отрицал, что внешние данные парня были весьма завидными. Теперь, глядя на него, он находил эту его глупость невероятно притягательной.

Видя такую реакцию, Сун Цзыюй впервые отбросил маску строгого учителя и прошептал ему на ухо:

— Ты именно такой, поэтому другие и хотят тебя обидеть.

Ци Муцин широко раскрыл глаза, глядя на учителя. Тот выглядел как обычно, даже без очков, но улыбка в уголках его губ казалась невероятно порочной.

Он еще не осознал, что учитель только что его подразнил, чувствуя лишь, как воздух в комнате раскалился, а сердце охватила смесь смущения и тайного ликования.

Лишь когда погас свет и пришло время спать, он смутно осознал: сегодня они будут спать в одной постели.

<http://bllate.org/book/21591/2225490>